

• Памятники Тверской провинции

Сожженным деревням

Трагический след в истории Западнодвинского района оставил период фашистской оккупации. При проведении карательной экспедиции в ноябре 1941 года изуверы убили за четыре дня 512 человек в 14 деревнях. Были сожжены деревни Жарки, Щиборово, Овинище, Заборица, Лаврово, Кокорево, Новоивановское, Васелево, Прошково, Семеновское, Селяне.

Учащиеся местных школ, краеведы провели активный поиск. По результатам собранного ими материала, 7 мая 1995 года на въезде в деревню Селяне (рядом с автомагистралью «Балтия») был установлен памятник жителям сел и деревень, сожженных и расстрелянных карателями во время оккупации. Он является частью мемориального комплекса «Западнодвинские Хатыни». С тех пор здесь часто останавливаются автомобили. Люди, отдавая дань памяти безвинным жертвам фашизма, возлагают цветы.

« ВСЕ ТАК ПРЕКРАСНО, ЧЕЛОВЕК... »

Георгий Степанченко

г. Ржев

Георгий Степанченко родился в 1952 году. В 1975 году окончил исторический факультет Калининского государственного университета. Живет в г. Ржеве. Работал учителем, в местных газетах. Печатался в журналах «Наш современник», «Русская провинция», «Арион», других литературных изданиях. Автор более чем десяти поэтических сборников. Георгий Валентинович член Союза писателей РФ. Лауреат всероссийской литературной премии «Традиция» Союза писателей РФ.

СЕРДЦЕ РОССИИ

Утро. Россия. Сиянье
Солнца над гривой коня.
Ветра и жизни дыханье
И обещание дня.

Полдень. Россия. Томленье.
Отдых на поле. Жара.
Это вот стихотворенье...
Полно! На пашню пора!

Вечер лазорево-синий,
Вечная песнь о любви...
Самое сердце России.
Волга. Весна. Соловьи.

ВЫСОТА

В июльском небе темно-синем
Едва заметен самолет.
Взлетела церковь над обрывом
И отразилась в бездне вод.

Там, в высоте, бушует буря,
Гремит, как гром, крылатый крест –
Здесь только легкий ветер дует
И раздаётся благовест.

Тверда, как сталь, рука пилота.
Зияет синь над головой.
Горит лучами позолота,
Сияют стены белизной.

Весь Божий мир наполнен светом,
Но где-то затаилась тьма –
И дремлют грозные ракеты
Под сенью грозного крыла.

В одно незримое мгновенье
Крест зависает над Крестом,
И шлет ему благословенье
Летающий в небо Божий дом.

И все вокруг благоухает,
Все зеленеет, все цветет,
И тихо след турбины тает,
Чтоб превратиться в звездный лед.

(окончание на стр. 2).

(начало на стр. 1).

Ракетоносец, как комета,
Исчез, чтоб прилететь опять –
И длится день, и длится лето,
И длится Божья благодать.

НАД ВОЛГОЙ

Города стоят на Волге, города;
Острова плывут по Волге,
острова...

И растет по берегам ее трава,
И кружится над обрывом голова.

Синь да зелень, серый камушек
гранит.

Церковь белая над Волгою стоит.
Ветер запахи несет цветов и

трав...
Это было все давно – иль я не
прав?

Чайки белые над Волгою летят.
Это утро, это лето, этот взгляд!
Утечет вода, и жизнь, как сон,
пройдет;
Все уйдет – и все опять придет.

Тихо солнышко засветит с высоты,
Тихо девушка посмотрит на цветы,
Над обрывом платье белое
мелькнет...
Тот, кто это все не любит – тот
уйдет,

Не оставив ни примет, ни
следа...
Все уносит чистая вода.

СТАРОЕ ШОССЕ

Кусочек старого шоссе:
Булыжник, выбоины, ямы,
Лопух во всей своей красе,
Войной порушенные храмы;

И снова серенький асфальт,
Давно раскатанный до рытвин...
Таков российский наш гештальт,
Всегда двоящийся и рыхлый.

И нет уж полосатых верст,
И нет шлагбаумов скрипучих,

Не тащит сивка сена воз –
Но те же звезды, те же тучи,

Но те же скудные поля,
Что скудный хлеб дают веками.
Но те же Небо и Земля
Над головой и под ногами.

ПРОГУЛКА

Здесь – церковь была. Там –
дорога.

Здесь – школа была. Там – трактир.
Еще погуляем немного?
Здесь время протерто до дыр.

Здесь – кладбище было. Там –
пристань.

Здесь – лавка была. Там – базар...
Роняя багряные листья,
Деревья глядят нам в глаза.

Здесь, кажется, жил перевозчик;
Там, кажется, жил пономарь...
Как будто – копыта. Извозчик
Прозрачный проехал, как встарь.

– А там? – Там конюшни, казармы
Уланского – бог мой! – полка;
А там – застрелили жандарма,
Там – вздернули боевика...

И ветер гудит, нарастая,
И в окна мигают огни,
И галки галдящею стаей
Кружат, как в забытые дни.

ПОД СНЕГОМ

Ты сказала – боярышник... нет, это
все же рябина.

Я боярышник знаю: прости, он
совсем не такой.

Эта тихая улица, эта простая
картина:
Снег и деревце, снег и великий
покой.

Небо – серое, хмурое, снежное
зимнее небо,
И дома за сугробами – просто
большие дома...
Если бросить на улице корочку

черного хлеба,
Налетят воробьи, и вороны, и
галки – ага!

Но не бросит никто. Времена,
понимаешь, другие.
И молчат воробьи, и вороны, и
галки молчат.
И рябина, под снегом укрывшая
ветви тугие,
Их уже не накормит ... и только
снежинки летят.

Ты сказала – боярышник... нет, я
ответил – рябина.
Вот и весь разговор – больше
нечего, право, сказать.
Прибежала зачем-то большая
мохнатая псина,
Посмотрела на нас – и вприпрыжку
умчалась опять.

ДЕРЕВО

Над камнем – дерево. Листва
Лазурный свод заполонила –
И закужилась голова,
И позабыла все, что было.

И только свет, и только тьма,
И только тени, только блики...
Связует дни лучей тесьма,
Связуют ночи птичьи крики.

Все так прекрасно, человек –
Все, что вбирают слух и око!
Здесь не понятны шум и бег,
И те, кто назначают сроки.

Здесь время не бежит – течет.
Здесь время не летит – струится.
И каждый лист наперечет.
И у камней не стерты лица.

Здесь не наскочит лиходей.
Здесь только небо, только ветер...
Здесь все не так, как у людей,
А так, как быть должно на свете.

Над камнем – дерево: побег
Туда, где все ничтожны сроки.
Да был ли он, двадцатый век –
Кровавый, яростный, жестокий?

(продолжение, начало в №№19 (ноябрь) - 36 (апрель)).

Письмо тридцать четвёртое

НЕ знаю, откуда у меня это чувство, но я испытываю непередаваемое счастье, когда вижу поле. Вот началась пахота. По моему полю идет трактор, запах поднятой земли. Вокруг меня радостно бегают по борозде стайки скворцов. Время запахов, ощущений, вид леса, в который ты можешь войти вот-вот, как обсохнет. У нас грачей заменяют чайки. Их несколько десятков. Парят, кричат над полем, меняющим на глазах свой вид. Это надо видеть. Говорить, писать – коряво. Силы как-будто вливаются в тебя, отступают болячки, плохое настроение.

В пять утра на дворе, а в девять вечера – в кровать. Каждое посаженное семечко, каждый росток на картошке будит радость. Каждая «рассадина» – это чудо, чудо дарованное нам Господом. Вот наш трясогуз прилетел и собирает для своего гнездышка травинки, нагло выдергивает паклю из стен моего старого дома. А вот и первая ласточка. Она вьется около дома, и я вспоминаю, что забил на зиму щель

Письма сельского почтальона

от снега. Бегом на чердак, отрываю доску, и она тут же влетает в просвет.

Совсем недавно, вечером, уже затемно, шух, шух, шух – прилетели гуси, стая за стаей, по полторы – две сотни. Одна за одной они садились на озеро, и вода пенилась от сотен следов садящихся птиц. Ночь... и снова в путь. Туда, на Север, в тундру, где они выведут птенцов, и... обратно. Их прилет и улет для меня – отсчет огромного, насыщенного отрезка жизни.

Господи! Какое прекрасное, непередаваемое словами счастье – жить на свете. Просто жить, смотреть на облака, на бегущую воду, вдыхать аромат первых ландышей и радоваться вместе со снующими рядом дроздами и скворцами. Сколько впечатлений, сколько науки. Прилетели скворцы, рядом, к соседнему дому. Хозяйка умерла, забор сгнил и упал вместе с их скворечником. Они сидят в растерянности на крыше, им надо решать жилищную проблему.

В лесу, между деревьями, синими глазками смотрит на тебя «печёночница», а рядом эту синь разбавляет своими белыми звездочками «ветренница дубровная». Почему «ветренница»? Нечто шаловливое...

И среди всего этого очарования валяются свежие банки из-под пива. Понаехали туристы-дачники. Началось! Бренчание пошлых куплетов, блатных напевов среди тишины и соловьев, загаживание лесной дороги пачками сигарет, окурками, банками, бутылками, упаковками из-под йогуртов... Аисты сразу исчезают из деревни. А пока никого нет, они сидят на столбах и сверху наблюдают за нами,

как мы суетимся на хозяйстве.

Деревенские всегда не любили москвичей. И это естественно. Их поведение, самодовольство, снисходительное полупрезрение к крестьянам, демонстрация туалетов и прочих городских «преимуществ» не вызывают симпатии. Ни чувства такта, ни осторожности, они ведут себя по-хозяйски в совершенно чуждой им атмосфере. И невольно начинаешь ждать конца августа, когда вновь воцарится тишина. А мусор можно убрать или закопать...

Он прекрасен – Господний Мир. Это высшая гармония и абсолютное совершенство. Все эти египетские пирамиды, версали и дворцы альгабры прекрасны, но это памятники «Лужковым» всех времен и народов. Это тщеславие и вызов смерти. Мы почему-то очень дотошно и внимательно разглядываем каждую завитушку на голове Будды, когда доведется, но не умеем разглядеть и вникнуть в мир, который перед нами. Мы едем подивиться на кунсткамеры за тысячи километров, но не хотим взглянуть в нежнейшее создание весны – гусиный лук (слезун). Это страшное наказание несет на себе каиново племя и будет нести до страшного суда. Мы не вписываемся в Божий Мир. Мы в него вгрызаемся. Живем, как сомнамбулы, не понимая, что творим...

Утро всегда обещает. Долготерпение дня... Вечер грустит и прощается. Пока...

*Твой Д.В.А.
июнь 2004*

• Память

«Мы цепью лежали на взгорье...»

Иван Васильевич Кузнецов родился 25 октября 1919 года в деревне Стихрево Сережинского района Калининской области. Был колхозником колхоза «Красный вихрь», счетоводом, заведовал избой-читальней Ветошкинского сельсовета. В 1939-м был призван в Красную Армию, служил в 100-м горно-стрелковом полку в Среднеазиатском военном округе. В 1941-м в составе 150-й Отдельной стрелковой бригады.

После ранения лечился в госпитале. В 1942-м, оказался заместителем политрука 1-й роты 1-го батальона в 190-м стрелковом полку. *Участковал в боях севернее Погорелого Городища, у деревни Александровка, под Ржевом, был тяжело ранен – осколок от разорвавшегося снаряда вырвал часть коленного сустава.* Повезло, после тяжелой операции ногу ему сохранили. Снова госпиталь, в узбекском городе Бухара, инвалидность, возвращение домой.

Иван Васильевич удостоился орденов Красной звезды и Отечественной войны, многих медалей. Не раз участвовал в памятных мероприятиях на Ивановой Горе, где в годы войны держала оборону 22-я армия. Отчетливо стоит в памяти, как на одной из таких встреч читал он поэтические строки:

*Мы цепью лежали на взгорье,
Готовы погибнуть в бою,
И каждый в небесной лазури
Взвездой приметил свою...*

Как оказалось, это стихотворение Иван Кузнецов прочел в газете «Фрунзенец» в 1942-м году, когда первый раз лежал в госпитале. Выучил его наизусть и помнил до конца жизни.

С 1943 года И.В. Кузнецов работал в п. Бологово райинспектором ЦСУ, председателем райплана, заведующим отделом животноводства райисполкома, заведующим райторготделом. В 1962-м, когда объединились два района, Сережинский и Ленинский, стал бухгалтером ревизором ОРСа леспромхоза в Андреаполе, затем инструктором Андреапольского райисполкома, секретарем районного архива. Трудовой путь завершил в районном обществе охотников в 70 лет...

Нога в колене у него не сгибалась, по ночам болела. Иван Васильевич мужественно переносил боли ежедневно по полтора часа самостоятельно делая массаж ноги. «Боюсь потерять возможность передвигаться, – говорил он. С весны до осени пропадал на приусадебном участке, выращивая картошку и овощи. В конце лета на своем инвалидском «Запорожце» ездил по заветным лесным уголкам, чтобы за пасти на зиму грибы и ягоды. Была у него и другая страсть – вязание корзин из ивовых прутьев. А еще им написана «История поселка Бологово» (центра бывшего Сережинского района), хранящаяся ныне в Андреапольском архиве.

Вместе с супругой Марией Игнатьевной (она долгие годы работала в Андреапольском отделении Госбанка) они воспитали дочь Екатерину. Став учителем русского языка и литературы, она работала в Красноярском крае (село Таловка, Больше-Муртинского района). Выйдя замуж за летчика, сменила вместе с ним 11 гарнизонов, пока, наконец, не остановились они в г. Железнодорожное. Здесь Екатерина Ивановна тридцать лет проработала учителем русского языка и литературы лицея № 11. Ей присвоено звание Заслуженного работника

образования Московской области.

Ее муж А.Е. Локтев, ныне полковник авиации в отставке, начинал службу летчиком в Андреаполе. Впоследствии командовал полком, был заместителем командира авиадивизии. Дочь Локтевых Светлана, окончила филологический факультет Московского педагогического института имени Н.К. Крупской, работает в бизнесе. Сын Сергей окончил Ставропольское высшее летное военное училище и институт ПВО имени Г.К. Жукова (Тверскую командную академию ПВО), подполковник.

Почетного гражданина города Андреаполя и Андреапольского района И.В. Кузнецова не стало в 2012 году.

«И ты, КВ, братишка мой...»

На фронтах андреапольцы сражались в различных родах войск. Среди них было немало танкистов. Один из них Петр Иванович Ершов. К сожалению, известно о нем не так много. Родился Петр Иванович 12 июня 1923 года в деревне Голенищево. За свои подвиги награжден тремя орденами Красной Звезды, медалями, в том числе медалью «За отвагу». Ушел из жизни в 1981 году.

Был танкистом и Михаил Михайлович Волков. Родился 6 июня 1922 года в Андреаполе.

(окончание на стр. 5).

(начало на стр. 4).

Перед войной работал заведующим отделом учета Ленинского РК ВЛКСМ. Воевал в составе 178-й, 25-й, 186-й танковых бригад, 31-го Отдельного гвардейского Красносельского полка прорыва, 71-й Отдельной Невельской танковой бригады. Был лейтенантом, механиком-водителем танка KB-85. В представлении Михаила Волкова к медали «За отвагу» сказано: «3 12. 1943 г. в районе Осташково, Видусово в боях за Родину показал мужество и отвагу, умение маневрировать на лесисто-болотистой местности. Его экипаж уничтожил: 3 ПТО, 1 ДЗОТ, 1 кухню с прислужкой и до 15 гитлеровцев». Геройски проявил себя Михаил Волков и в последующем. Родина отметила его орденами Отечественной войны I и II степени, ор-

деном Красной Звезды, медалями.

После войны М.М.Волков работал инструктором райкома партии, диспетчером МТС, бригадиром тракторной бригады, председателем Ленинского РК ДОСААФ, председателем колхоза, в органах милиции, директором киносети, инженером-механиком извлекательного завода, председателем президиума Андреапольского районного Совета ВООП и на других должностях. Скончался в 2002 году.

Командир минометной роты

Павел Александрович Трейар в 1937 году окончил Торопецкую эстонскую неполную среднюю школу и поступил в Ленинградское пехотное Краснознаменное училище имени С.М. Кирова. В 1940 году стал офицером и был направлен служить в Архангельск. Там женился на Полине Васильевне.

В 1942-м, когда Павел служил уже в Вологде, родилась дочь Маргарита. Армейская судьба на первых порах была к нему благосклонной. Павел Трейар, начав воевать командиром пулеметного взвода, стал командиром минометной роты. В составе 8-го эстонского стрелкового корпуса он участвовал в боях под Великими Луками, освобождал Эстонию. Но в 1944-м на острове Саарема он получил тяжелое ранение в руку и контузию. Руку пришлось ампутировать, а о дальнейшей офицерской карьере забыть.

Вернувшись к родителям в Андреаполь, Павел Александрович работал председателем сельхозартели «Большевик» (Жуковский сельсовет). В 1953-м его избрали председателем сельского потребительского общества. В конце 60-х семья Трейаров переехала в Великие Луки, но потом вернулась в Андреаполь. Маргарита к этому времени окончила Великолукский

педагогический институт, успела поработать в Алтайском крае. Устроилась и личная жизнь. Приехав с Алтая, зашла в любимый институт, где ее познакомили с преподавателем Сергеем Андреевичем Сидоровым. Поженились, а спустя несколько лет оказались в Ленинграде. Здесь Сергей Андреевич защитил докторскую диссертацию по философии, стал профессором и два десятка лет он работал первым заместителем ректора Высшей школы МВД. Сейчас трудится в педагогическом университете им. А.И. Герцена (его когда-то оканчивал, отсюда начал путь в науку). А Маргарита Павловна связала свою жизнь с педагогикой, заведовала детским садом. Ей присвоено звание Заслуженного учителя России.

Кавалера двух орденов и многих медалей П. А. Трейара не стало в 1992-м. О детях Сергея и Маргариты Сидоровых хочется сказать отдельно. Они выросли достойными людьми. Андрей окончил Высшее политическое училище внутренних войск и Академию МВД, Юлия - педагогический институт имени А.И. Герцена, защитила кандидатскую диссертацию. Дети подарили Маргарите Васильевне и Сергею Андреевичу четверых внуков.

С. Николаев

Фестиваль «Салют Победы»

В области завершается фестиваль народного творчества «Салют Победы». Первый межмуниципальный этап прошел в Осташкове. В нем приняли участие четыре муниципальных образования: Фировский, Селижаровский, Кувшиновский районы и Осташковский городской округ. Общее количество участников составило более 100 человек. В Западной Двине в рамках второго этапа представили свои программы более 120 участников из Бельского, Жарковского, Западнодвинского, Торопецкого районов,

Нелидовского городского округа и Андреапольского муниципального округа. Следующими были этапы в Кашине, Старице, Удомле.

Победителей определяют в номинациях: «Лучшая конкурсная программа», «Хореографическое искусство», «Музыкальное искусство и фольклор», «Народно-певческое искусство и фольклор», «Театральное искусство» и «Цирковое искусство». Финал и гала-концерт фестиваля состоятся 4 мая в Тверском областном академическом театре драмы.

Н. Андреева

• Новые книги

История 28-го авиаполка

В Твери вышла книга «Крылатой гвардии сыны», рассказывающая о славной истории базировавшегося на аэродроме Андреаполь 28-го гвардейского истребительно-авиационного Ленинградского ордена Кутузова III степени полка. Составитель книги бывший замполит полка А.Б. Панин. Издание приурочено к 75-летию Победы.

Надеемся, этот труд вызовет большой интерес не только у ветеранов легендарного авиаполка, но и у всех, кому дорога история андреапольского края.

В памяти навечно

Недавно в местном Доме культуры открылась фотовыставка «Первый андреапольский краевед», посвященная 105-летию со дня рождения ветерана Великой Отечественной войны, учителя, краеведа, Почётного гражданина Андреаполя и Андреапольского района Эдуарда Эдуардовича Шимкевича.

Юнармейцы школы №3 несли почётный караул у витрины с наградами краеведа, которые в фонд Андреапольского краеведческого музея после смерти Эдуарда Эдуардовича передала его дочь Елена. На сцене ДК состоялся вечер памяти «В строю всегда, в памяти навечно».

СОДРУЖЕСТВО ЛИТЕРАТОРОВ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

Василий Рысенков

Родился в посёлке Кречевицы Новгородской области в 1966 г. Рос в деревне Воропуни Торжокского района, недалеко от села Берново. Служил в Советской армии окончил аграрный ВУЗ, работал агрономом и учителем. В настоящее время преподаёт литературу и ряд других дисциплин в колледже Росрезерва города Торжка. Автор шести сборников стихотворений, серии детских сказок и нескольких юмористических рассказов.

Член Союза писателей РФ. Член областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья». Лауреат премии им. М. Е. Салтыкова-Щедрина 2002 года, один из победителей конкурса «Золотое перо России» 2009 года, лауреат международного фестиваля авторской песни «НОРД-ВЕСТ» в номинации «поэт» 2011 года, победитель третьего международного поэтического конкурса «45-й калибр», обладатель гран-при 2015 г.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПАМЯТЬ

Колокольчик и большой погромок –
Новорожденного ветра забавы.
Баня топится, и горький дымок
Низом стелется, вплетается в травы.
В эти избы прилетала беда,
Била крыльями солдатской шинели.
Здесь работали и пели всегда,
Торговать же никогда не умели.
Даже город за века не пропёт
Слитки зноя, что везли под
снопами.

Внукам врать и воровать не даёт
Наша генная крестьянская память.
Не ищи в себе чужое, не мучь...
По иному не выстраивай мысли.
От осенних грустных птиц и от туч
Провода над бездорожьем
провисли.

Но созвездия ночами горят,
Звездопадом исцарапаны крыши.
Колокольчик с погромком говорят...
А о чём – поэты знают и мыши.

ПИСЬМА ИЗ ДЕРЕВНИ

Памяти моего деда

Василия Ивановича Рысенкова,
участника Первой мировой войны

А писалось письмо над бездною...
В небе ткали закат стрижи.
«Ну, а в первых строках, любезные,
Сообщи, что я сыт и жив...»
Дикий почерк. Кривые линии –

Не привыкший к перу народ...
А над Русью прощально-синие
Были сполохи в этот год.
«У кого-то долги просрочены,
У кого-то полно добра –
На задворках да на обочинах
Поднимаются хутора...»
«Лишь до Пасхи хватило хлеба нам,
Покупали на стороне,
А грибов до июля не было.
Ну и ладно! Грибы – к войне.»
«Благодарны, однако, Богу мы:
Обошёл стороною град.
Я обабку был тонконогему
Словно старому другу рад...
Возле речки нашёл вчера его,
За покосами, в стороне...»
Точка. Подпись. Выстрел в Сараево,
Скрикошетивший по стране.

НА КРАЮ ВОЙНЫ

Нацель ППШ на звезду,
Другая мишень – луна...
За светом прожекторов будет сыч
ворожить.
И если в одном ряду
Два слова – весна и война,
То как солдату тогда и погибнуть, и
жить?
И первый весенний гриб,
И в липовых лапах дом,
И митинги воробьёв в кустах
бузины...

Воронка, где друг погиб,
Став чибисовым гнездом,
С туманом ночным плывёт, плывёт
из войны.

Рассвет разрушим огнём,
Настильным, сильным, прямым.

Когда наступаем мы – отступает
тоска.

И снова в душу вернём
Четыре года зимы,
Мы близко к сердцу весну не
пустим пока.

И горе, и боль – в комок,
Чтоб на день приблизить срок,
Поставить кирзовый сапог на горло
войне.

Далёкой избы дымок.
В кустах трескотня сорок.
А тот, кто дожить не смог, –
растворится в весне.

ЗА ЦЕРКОВЬЮ

Если времени скажешь:
«Повременим»,
То споткнёшься о прощлое
почему-то...
.....

Похоронен за церковью дворянин,
Не доживший неделю до русской
смути.

Помню: небо, огромное, как судьба,
Майский ветер и тайна – предвестье
веры.

Даже слов-то таких: «упокой...
раба...» –

Не слышали советские пионеры.
Ослепила церковная темнота,
Затуманили строки
стихотворений...

И опять – на просохшей горе –
лапта
Или прятки в дремучих кустах
сирени.

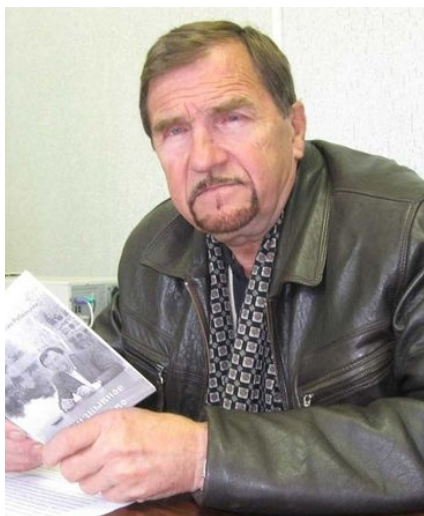
И маячил то дальше, то ближе храм.
Что казалось разумным – прошло
нелепо.
Приходилось не раз спотыкаться
нам

О замшелые камни, ограды, склепы.
Для кого так дрожит и сверкает
лист?
А в кукушкином горле – то смех, то
слёзы.

.....
Похоронен за церковью тракторист,
Не увидевший смерть своего
колхоза.

• Литературное краеведение

Константин Рябенкий

Константин Валентинович Рябенкий родился 8 сентября 1945 года в г. Вышнем Волочке. Служил в рядах Вооруженных сил СССР. Жил в Вышнем Волочке и Твери. Работал шофёром, токарем, грузчиком. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте (Москва). Публиковался в журналах «Наш современник», «Аврора», «Русская провинция», «Студенческий меридиан», в альманахе «Поэзия», коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Колосятся дожди», «Снегириная ветка», «Берёзовое зеркало», «Затяжное ненастье», «Берег любви», «Исповедь», «Откровенный разговор» и др.. Член Союза писателей СССР (РФ). Скончался 14 апреля 2011 года.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Все души погибших солдат,
на Праздник Победы спешат:
к родимому дому стремятся,
за стол поминальный садятся
и стопку свою осушают,
которую ставят для них,
и родичи даже не знают,
как рады они за живых...
А души всё слышат, всё видят,
но строго молчанье хранят,

«ПРИСТАЛЬНЕЕ,
МАЛЬЧИКИ, СМОТРИТЕ...»

ничем никого не обидят
и слёз по себе не хотят.
А души – они не стареют,
над Красною площадью реют
Василий Блаженный их греет
своею земной красотой,
и крестятся так,
как умеют,
на образ России святой...

САНИТАРКА

В сорок третьем,
красива,
из-под пуль и огня
ты бойца выносила,
оказалось – меня.
От врагов закрывала,
подстилала хвои,
ты бойцу бинтовала
долго раны мои.
Он за жизнь жадно бился
в госпитальном бреду,
чтобы я появился
в сорок пятом году...
Отзовись, санитарка!
Отзовись. Я прошу.
И – наклею я марку,
и письмо напишу.
Про невзгоды, про беды –
всё узнаю я в срок.
Даже в праздник Победы
загляну на часок.
Почему-то я верю,
что, медалью звеня,
ты откроешь мне двери
и – узнаешь меня.

ГАРМОНИСТ

Под окошком тень узоры вяжет,
и пестреют радугой платки.
«Под язык» сегодня девки пляшут:
гармонист вернулся без руки.
Он, смурной, впервые на гулянье
от веселья в стороне стоит.
Вспоминает давнее «страданье»
двадцатидвухлетний инвалид.
Постоит. Покурит. Отвернётся

и уйдёт от плясок молча прочь.
Будет пить и до зари напьётся –
как-никак немаленькая ночь.
Позабывшись, он гармошку
схватит –
тыр да пыр, а песни никакой...
И гармошку об пол у кровати
хватит он единственной рукой.
А когда с души горячка схлынет,
перестанет всхлипывать кровать,
он отвёртку из комода вынет
и начнёт гармошку собирать.
Добрые живут в деревне люди,
и к тому ж окончена война.
Может быть, ещё сынишка будет.
Если будет, может быть, жена.

ОРДЕН КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

Сапоги кирзовые и китель
пять лучей от ордена горят.
Пристальнее, мальчики, смотрите, –
ведь они о многом говорят! –
Путь немалый до Берлина пройден –
из души не вырвать никогда:
чуть правее – и уже не орден –
красная фанерная звезда.
Не нужны ни соловьи, ни сваты,
ни гармошки, ни свеченье рос...
Сколько их погибло, неженатых...
Сколько пацанов не родилось!

ПИСЬМА

Пожелтели письма,
что когда-то
Батя с фронта маме присылал.
Как под ними выгорели даты –
ни одной из них не разобрал.
Письма те писались перед боем
на планшете:
– Оля! Жив! Здоров! –
чтоб на время маму успокоить,
отсылал он пару нежных слов.
А про то, что через час на поле
в рукопашном...
Ни полслова он!
Ведь на то домашний адрес Оли
и хранил потертый медальон...
(окончание на стр. 9).

(начало на стр. 8).

Мама треугольники вскрывала
и читала громко:
– Жив! Люблю! –
и с улыбкой сразу отвечала;
– Я для фронта полушубки шью!
Овдовело нынче сколько женщин!
Под окном рябина расцвела...
А что норма хлеба стала меньше –
не писала, просто не могла...
Потому и выжили, наверно,
что друг друга в письмах
берегли...
Письма фронтовые без конверта
чистые, как в небе журавли.

БЛОКАДНАЯ ПАМЯТЬ

Плачет мама по праздникам,
Почему – не пойму...
Гости самые разные
веселятся в доме.
Мама всем очень рада,
но поставит пирог –
пред глазами – блокада
и блокадный паёк...
Ох, какое раздолье,
песни, праздная речь!..
Сколько этим застольем
Можно б жизнью сберечь!

ТЁЗКИ

Майским утром кончится война.
Мы с тобой родимся в сорок
пятном.
И дадут простые имена
в честь погибших
будущим солдатам.
Матери запомнят этот год.
Нас Россия трудно поднимала –
пальцецо из кителя сошьёт,
завернет в шинель, как в одеяло.
Шепчет:
«Лишь бы не было войны!
Не гудеть, не рваться бы снарядам,
чтобы не упасть с отцами рядом
сыновьям –
защитникам страны»
Не забыть нам подвигов бывших,
Мы погибшим тёзкам присягаем,
что имён их кровных и простых
в жизни мы ничем не запятнаем.

В ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

Приду на кладбище к отцу.
Поздравлю с праздником Победы,
ведь мне, мужчине, не к лицу
ему рассказывать про беды.
Он видел Родину в огне
и защищал её бесстрашно
и автоматом на броне,
да и прикладом в рукопашном.
В Синявинских болотах мёрз.
Не раз отбрасывал осаду,
вставал в атаку в полный рост,
дышать давая Ленинграду.
И Ржев, и Курская дуга,
и Сталинград, и порт Лепану –
езде, где мог, крушил врага,
кровью багрил снега и травы...
Он здесь отдельно от солдат,
от сослуживцев, похоронен,
но в небе влился в общий ряд,
с кем был в боях и обороне.

НЕСГИБАЕМЫЕ ФРОНТОВИКИ

Станет улица серой и душной,
когда мимо окошек простых
пронесут ордена на подушечках
то полковников,
то рядовых...
Ветераны,
вы все понимаете –
некрологам любым вопреки
вы от ран на войне погибаете,
с каждым часом редуют полки
подо Ржевом,
под старою Руссою,
на плацдармах твоих,
Сталинград...
Там – грузины армяне да русские
в общих братских могилах лежат.
Дорога Вам земля, Богом данная.
Принесла День Победы весна.
Только в снах продолжается
данная,
до конца вашей жизни, война.
На домашней постели,
на марше ли,
но теряет героев страна.
Косит всех – рядового и маршала –
затяжная, крутая война.
Ветераны, седые и дружные,
смерть без страха встречают в
штыки...

И несут ордена на подушечках
обескровленные полки.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ХЛЕБ

Будила мама встать за хлебом,
когда звенели соловьи.
В очередях под грустным небом
я сны досматривал свои.
И часто, с плеч снимая шали, –
так было зябко от земли, –
меня бабуся укрывали,
знать, от хворобы берегли.
Деревья серые, а накрапах
не нарушали чуткий сон.
Меня будил щемящий запах,
когда подруливал фургон.
Я молча ждал, когда разгрузят,
качнутся точные весы.
И сколько было детской грусти
в те предзвездные часы
в моих глазах,
что продавщица,
буханку взвешивая, вдруг
довесок кинет – не скупится.
И те движенья щедрых рук
воспринимались словно чудо,
ведь шли голодные года...
Я тот довесок не забуду
и продавщицу – никогда.

НАСЛЕДСТВО

Уйдя в заоблачную даль
и выпив чашу роковую,
отец в наследство мне печаль
свою оставил фронтовую.
Как мог, поведал о войне,
Наполни болью сердце сына,
чтоб не забыл я в тишине
сражений жуткие картины.
Он сквозь огонь и дым прошёл,
чтоб жили мы светло и тихо,
и расцветал весенний дол,
и вызревала облепиха.
Отец в наследство мне печаль
свою оставил фронтовую,
чтоб враг не тронул близь и даль
единокровную, родную.
Чтоб внуки помнили войну
и знали все – какого рода.
Оберегали тишину
и животворную природу.

«ТА ЧЕРТА ГЛУБИНЫ...»

РЕЛИГИОЗНЫЕ СМЫСЛЫ СТИХОТВОРЕНИЯ
А. ТВАРДОВСКОГО
«Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ»

В самом факте появления в печати в 1946 году известного стихотворения А. Твардовского, написанного по впечатлениям поэта на Калининском фронте в 1942 году, есть уже загадка. Цензура ли военного времени его не допускала в печать, сам ли поэт не спешил с публикацией, неизвестно...

ПЕРВАЯ же строка, ставшая хрестоматийной, сразу задает тексту некую нереальность, условность: «Я убит подо Ржевом» – у этого «я» нет имени, отчества, фамилии, но это «я» говорит от имени погибшего воина именно здесь, на «Ржевском выступе» войны. Воин убит, но словно «вещает» из загробного мира. Это речь мертвого – к живым, рассказ, о том, как пришла его смерть, и перечисление подробностей ее схоже со статистическим отчетом. Это монолог никому неизвестного человека. Безымянен не только он – но само место его гибели – некое «безымянное болото» на карте военных действий, да он и не знает точного географического расположения своей части – вокруг нет ни населенного пункта, ни другого ориентира. Для солдата важнее помнить военные детали «В пятой роте, на левом, при жестоком налете», именно их фиксирует его сознание, и именно они воссоздают явь происшедшего. Это ориентиры общего характера, которые он мог видеть.

Героический пафос стихотворения в самом его начале поэтом намеренно снижен: убит воин не в открытом бою, а при авианалете. И

болото без названия, и вражеский налет на него почему-то обыденно, нелепо жесток – эти «причинные» приметы гибели словно скрывают какую-то непонятную военную драму.

И вначале сдержанная сухость констатации факта перерастает в следующих двух строках в ничем и никем, никакой «цензурой», не сдерживаемое чувство личной трагедии произошедшего:

*Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки –
Точно в пропасть с обрыва –
И ни дна, ни покрывки.*

Смерть пришла к нему внезапно, не исключено, что даже во сне. И этот конец жизни устрашает его этой своей обреченностью: все произошло почти мгновенно, внезапно, и никто об этом не узнает: он просто «пропал без вести». Его не положили в гроб, не предали его тело земле, не упокоили кости. Он возвратился в пространство земли в хаосе, без какой-либо последней человеческой заботы. И эти слова «ни дна, ни покрывки», имеющие в обиходе некое мистическое, заклинательное значение, он со скорбью переосмысливает и адресует своей безвестной судьбе.

*И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки,
С гимнастерки моей.*

Этому миру – эсхатологически – до конца его дней – убитый, можно сказать, исчезнувший в небытие воин, не оставил никому никаких примет своего существования: ни гимнастерки, ни петлички, ни лычки: уже никто и никогда не узнает, кто он был, в каких войсках служил, кто был по званию. И вот от человеческой жизни, от его, по-видимому, напрасной смерти, горькой судьбины, не остается НИЧЕГО. Только пустота пропасти, куда он вошел и канул. Он – стал тенью, он – без вести пропавший, его нет теперь ни среди живых, ни среди мертвых. И его голос из другого мира приобретает метафизическое звучание. Все это вмещено поэтом А. Твардовским в одно большое предложение:

*Я – где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;*

Он чувствует себя жертвенным телом, «растворенным в земле», он становится просто кормом для корней, и оттого из его крови и плоти позже возрастет урожай. Его тело

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 10).

уже стало тем зерном, которое, по Евангелию, умерло, чтобы стать колосом, продолжиться в новом, ином качестве. Да, он теперь под землей, в персти земной, но вместе с тем и над ней, в воздухе и звуках сельского и городского миров. Теперь его существом пронизано все мироздание, весь человек и Богом созданный космос жизни:

*Я – где крик петушиний
На заре по росе;
Я – где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;*

*Где травинку к травинке
Речка травы прядет, –
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.*

И строфы, идущие друг за другом, и эпитеты, контрастируют друг с другом: «корни слепые – во тьме», но рожь с облачком пыли не просто «волнуется», а «ходит». Этим космическим, природным динамизмом отмечена вся эта часть, определяющая пространство. И этот метафоричный, высокий, красивый строй отдельных частей предложения в его конце неизбежно заострен и замкнут на ту же печаль, он итожит человеческую драму и боль: а ведь погибший – чей-то сын, раз мать – сюда – на поминки все равно – не придет, прийти не сможет. Это образ страдающей, не нашедшей покоя души. И куда же делись тело и душа «исчезнувшего», без вести пропавшего: корни – «ищут», рожь – «ходит», петух – «кричит», машины – «рвут воздух», речка – «прядет»?

И впервые «я» сливается с «мы», со всеми павшими за Родину. И поэт доносит нам их смирение судьбе: «На земле на поверке выкликают не нас. Нам свои боевые не носить ордена», и сердечен их всё продолжающийся диалог с живыми:

*Что недаром боролась
Мы за родину-мать.
Пусть не слышен наш голос,
Вы должны его знать.*

И вот просто «мать» в начале стихотворения становится Роди-

ной! Вот такая мать – не придет к ним на поминки в безымянное болото. Смысл родства здесь аполитичен, он иной. И вот за нее-то, за Родину-Жизнь, за продолжение рода и нужно было им умереть, такой ценой ее спасти. И именно эти-то узы родства порождают невидимую связь мира живых с миром мертвых, и только потому и возможен здесь – диалог, эта священная война была очень религиозна по духу, не по партийному билету. И не случайно позже появляется обращение «братья»:

*Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье –
Эта кара страшна.*

Следующая строфа – словно неожиданный разрыв гранаты – возвращает в лето сорок второго, к парадоксальному «Я зарыт без могилы», к трагичности произошедшего, к неповторимой, единственной человеческой жизни и судьбе. Это не голос отчаяния того, кто пал напрасной жертвой, кто был «проклят и убит», нет. Это голос религиозного человека, через смирение – первую ступень добродетели – обретшего спасение души, равно как и спасительное знание о чем-то большем, сокровенном, не выговоренном ни в официальных сводках Совинформбюро, ни в эмоциональных плакатах и фильмах:

*Всем, что было потом,
Смерть меня обделила.
Всем, что, может, дано
Вам привычно и ясно,
Но да будет оно
С нашей верой согласно.*

В интонации строф суровый и горький стоицизм, мужество русской самоотверженности и русского духа. Это понимаешь только тогда, когда осознаешь, что «до предела Европы» – это значит до Уральских гор. Еще было куда отступать, и было за что драться. Даже если бы и пришлось отступить так далеко – русский солдат все равно бы дрался! И следующие строки звучат подлинным рекви-ем русскому отступлению начала

войны. Именно Урал, не Москва, видится ему той «последней пядью* на дороге военной», после оставления которой «шагнувшую вспять ногу некуда ставить»:

*Та черта глубины,
За которой вставало
Из-за вашей спины
Пламя кузниц Урала.*

И павший солдат в своем предчувствии победы, когда врага, наконец, повернули на Запад, назад, спрашивает: «Может быть, побратимы, и Смоленск уже взят?» Его душа будто не знает и не может знать покоя, пока идет эта война.

*И врага вы громите
На ином рубеже,
Может быть, вы к границе
Подступили уже!
Может быть. Да исполнится
Слово клятвы святой!*

Текст военной присяги в документах военного времени нигде не называется «святым». А. Твардовский вновь усиливает звучание религиозности происходящего: это не просто присяга, а именно сакральное действие – клятва, она святая, и – ее слова – непременно потому должны исполниться. Главное в текстах клятв тех дней – то же чувство кровного родства и готовность принести свою жизнь в жертву. Это ли не исповедание Христа, не готовность, пусть даже и мученически, пострадать за Него? Да и в самих солдатских «записках» перед атакой, перед боем «прошу считать меня коммунистом» не та ли же вера?

Но павшим дано только чувствовать сердцем этот, возможно, уже происходящий, поворот войны и позже – Победу. И вот воин скорбит лишь о том, что залпы победные не могут – хотя бы на миг – воскресить их, навеки «глухих» и «немых», что: –

«Если б мертвые, павшие, хоть бы плакать могли!». Речь идет о слезах радости:

(окончание на стр. 12).

(начало на стр. 10-11).

*О, товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Наше счастье безмерное
Вы постигли вполне.*

Здесь и предчувствие христианского воскресения из мертвых в Соборном Богочеловеке, и «безмерного» умножение райской любви, до времени скрытого от всех. Здесь есть и завет возвышенного счастья, которое невозможно без служения Родине. Эта счастье самоценно и эта Отчизна происходит от святого слова «Отец», того самого, что пишется с большой буквы. Это святость святой памяти, образа того воина-брата, что отдал, согласно христианским представлениям, жизнь за други своя, ибо «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.» (Иоанна 15:13). Среди пяти названных городов

Ржев—Берлин—Смоленск—Сталинград—Москва — в стихотворении «Я убит подо Ржевом» территория Ржевского выступа и сам Ржев возникают не только как заглавное географическое поле битвы войны, но и как судьбоносное. И вот об этой «точке кипения», этом жесточайшем апогее Второй мировой войны, было написано стихотворение, отозвавшееся в народе не меньшим эхом популярности, чем «Жди меня» А.Симонова. Да и само стихотворение, со множеством риторических вопросов, повторов и возвратов к самой сердцевине и боли войны звучит как властное слово на некоем народном вече.

Поэту А. Твардовскому удалось сказать здесь о тех смыслах жизни и смерти, о которых в атеистическом государстве говорить было не принято. И на этом «вече» он про-

возглашает народ как одно целое, исторически единое, не поделенное на «здесь» и «там», «живых» и «умерших», что возводит нас к христианскому образу Вселенской Церкви, где у Бога все живы. Поэт будто проводит героя стихотворения через душевные мытарства «я-безвестности» в его начале к просветленной цельности упокоения в «мы-родстве», в «мы-памяти» в конце. Раз душа убитого может говорить, значит, душа существует! Равно как и связь между живыми и погибшими. Поэтические интуиции поэта оказались более глубоки, чем это представлялось ранее, они черпают смыслы из тех первоначальных глубоких вод, которые питали всё человечество во все века.

Виктория Кузнецова,
г. Ржев

Дочь маршала открыла Музей Солдата

Имя дважды Героя Советского Союза Ивана Степановича Конева школа в д. Мермерины Калининского района получила в 2018 году. А накануне 75-летия Победы здесь открыли музей, посвященный солдатскому маршалу и землякам — участникам войны.

На открытие музея приехали дочь легендарного маршала Наталья Конева и его племянница Елена Конева. Вместе с директором школы Ларисой Колос они торжественно перерезали красную ленточку. По словам директора, теперь экскурсии, так же как и уроки мужества в музее, станут регулярными.

стр. 12

«Спешу, пока горит свеча...»

В преддверии 75-летия Победы во Ржеве показан спектакль о судьбах воспитанников Калининского детского дома в годы Великой Отечественной войны. Организатором показа стала ветеран труда, руководитель общественной организации «Детдомовское братство» Зоя Алексеевна Кангро. В постановке заняты ребята из Медновской санаторной школы-интерната и тверской театральной студии «Алые паруса».

В основу спектакля «Спешу, пока горит свеча...» легли воспоминания самой Зои Алексеевны, которая была воспитанницей детского дома. Спектакль ранее получил награды на фестивалях российского и областного уровней.

Совместный проект Зои Кангро, Медновской санаторной школы-интерната и театральной студии «Алые паруса» родился в 2011 году. Юлия Тюсова, режиссер, выпускница ГИТИСа,

ВОЙНЫ НАЕЛИСЬ ДОСЫТА

ДВА моих деда сполна познали жестокие тяготы войны. Один в 14 лет попал в партизанский отряд и пробыл в нем три года. Второй прошагал от Смоленска до Берлина.

У меня нет их больших портретов, я просто расскажу о судьбе одного – красноармейца (вернее его и его семьи), потому что она так переплетена с судьбами других людей, что заставляет задуматься о нашей недавней истории, а именно об отношении к человеку в то страшное время.

Держу в руках его «красноармейскую книжку» и читаю рукописные строки наградного листа обнаруженного в Интернете. (Орфография сохранена) «... В Красной Армии с (апреля-мое.прим.) 1941... 18 марта 1945 г. при осмотре нежилого здания, для эксплуатации тов. (ФИО) обнаружил замаскированного, вооруженного, разведчика противника, который старался противостоять но умелым маневром и самообладанием оружия тов. (ФИО) врага пристрелил на месте. Тов (ФИО) достоин Правительственной Награды Медаль «За отвагу».

8 апреля 1945 г. Печать. Подпись.

В 41-ом, попрощавшись с родными, женой и четырьмя детьми (35-41 г.г.), дед ушел а Красную Армию. В тот же год деревню (Рудня, Ельнинского р-на) заняли немцы. (Как воевалось человеку, когда вся его семья оказалась в оккупации? Как жить, не имея возможности написать письмо родным и получить от них весточку?)

Отец деда (мой прадед) был расстрелян немцами за связь с пар-

тизанами. Та же участь грозила и всем остальным родственникам, в том числе супруге деда – моей бабушке. Чтобы спасти свою семью и семью деда, брат бабушки пошел в полицаи. После освобождения района мой двоюродный дед не был привлечен к ответственности за это. То есть, наши карательные органы изучили дело и не нашли веских причин для его наказания.

Здесь возникает пара вопросов: настолько ли ужасна была «репрессивная машина» военного времени и так ли виноваты те, кто оказался «под немцами» в наше время на Украине?

После ужесточения боев под Ельней немцы начали отправлять глубоко в тыл большое количество эшелонов с ранеными. Для защиты этих эшелонов от диверсий партизан оккупанты стали прицеплять к ним вагоны с женщинами и детьми. На каждой станции людей выгоняли из вагонов, чтобы все видели этот «груз». Перед отправкой дальше «живой щит» загоняли обратно в вагоны.

Кстати, такой способ «защиты» оказался действенным и, кажется, ни один эшелон с мирными жителями взорван не был. Однако добрались до места назначения не все. Больных немцы просто выкидывали из вагонов, чтобы не допустить заражения своих раненых.

Бабушка рассказывала, что к ней часто приставала одна женщина, которая просила отдать ей ребеночка, так как потеряла своих детей. (Как тут не вспомнить

мальчика Колю из Уренгоя с его невинноубиенными немцами?)

В Белоруссии, на ст. Новоельня, женщин и детей выгрузили и отправили в концлагерь (так мой отец стал малолетним узником концлагеря). В лагерь привозили много евреев. Их грузили на машины под видом отправки в Германию, отвозили за пять километров под местечко Дворец и расстреливали. Бабушка рассказывала, что они прятали еврейских детей как могли. (В пос. Дворец было еврейское гетто. Сейчас там большое еврейское кладбище жертв тех лет).

С приближением фронта охрана лагеря стала хуже – немцы всех отправляли на фронт. Местные белорусы приезжали на подводах в лагерь и забирали (выкупали) кого могли и развозили по деревням. Как-то были выкуплены четыре многодетные семьи, среди которых оказалась и моя бабушка с детьми. Их отвезли в д. Накрышки Дятловского р-на и оставили в церкви. Там некоторое время они и находились, пока священник не уговорил местного старосту взять бывших узников к себе (этим священник спас не одну жизнь). У старосты самого было четверо детей, но он согласился.

Однажды в деревню зашли партизаны. Старосту решили расстрелять. Бабушка говорила, что она повесила всех восьмерых детей на

(окончание на стр. 14).

(начало на стр. 13).

него, а сама бухнулась в ноги партизану. Тот колебался, но расстрелять старосту на глазах детей (или по другой причине) не решился. Зло сплюнул и со словами: «Живи, сука» сунул пистолет в кобуру.

После войны старосту судили. Бабушка выступала свидетельницей на суде. Староста был освобожден от наказания.

Вернувшись в родную дерев-

ню дед не нашел ни дома, ни семьи. Ему сказали, что семью вывезли и расстреляли. Однако он сделал запрос в соответствующие органы и быстро получил ответ, в котором указывалось местонахождение его супруги и детей.

Еще вопрос: как так быстро в послевоенной неразберихе, без Интернета и электронных баз данных, нашли семью не генерала – простого красноармейца?

Так Белоруссия стала второй родиной для моих деда с бабкой. Сначала жили в землянке, потом построили дом. Растили детей, нянчили внуков.

Вопрос: почему это другое государство?

Вопросы. Вопросы...

Иван Кирпичев,

г.Нелидово

Из первых уст

Житель п. Бологово В. В. Покровский (1919-2004) оставил запечатанный след в истории родного поселка и Андреапольского района, пользовался всеобщим уважением земляков. Им было собрано множество краеведческих материалов. В распоряжении редакции «Двинского бережка» оказались малоизвестные автобиографические воспоминания В.С. Покровского, связанные с войной. Практически без сокращений, мы представляем их нашему читателю.

Автобиография

1. Покровский Всеволод Сергеевич.

2. 27 августа 1919 г. (дата рождения). Родился в с. Бологово, Наговской волости, Холмского уезда, Псковской губернии.

3. Живу в доме отца, построенном им в 1924 году. В селе Бологово Андреапольского района Тверской области.

Место и время учебы – до 4 класса в Бологовской начальной школе, а затем в 5 классе вначале (2 месяца) в Андреапольской средней школе, а после назначения отца преподавателем биологии в Яблоновскую с/х школу, был со своими сестрами Надей и Ксаной переведен на учебу в Яблоновскую с/х школу имени А.Н. Куропаткина, а затем, когда эта школа была переведена в новое, типовое здание Бологовской школы, построенной в 1930 году Калитиным, продол-

жал учебу в Бологовской н.с. школе до ее окончания (7 классов) в 1933 году. По рекомендации отца поехал учиться в город Великие Луки, в педагогический техникум, где уже на 2 курсе учились мои сестры – Надя и Ксюша. В 1936 году я окончил Великолукский педтехникум и получил назначение в одну из школ города учителем в начальные классы. Летом я приехал домой, узнал от отца, что у нас теперь организован Сережинский район с центром в с. Бологово. Я пошел в РОНО, и инспектор Назимов, заменяющий зав. РОНО, назначил меня в Шешуринскую Н.С.Ш. учителем биологии и химии, где я и работал до призыва в Красную Армию, а жил в той комнате, где умирал А.Н. Куропаткин от открывшихся ран (это мне рассказывал фельдшер Шешуринской больницы Смирнов Дмитрий Павлович – отец учительницы Бологовской школы Жгун Марии Дмитриевны). Смирнов Д.П. был с Куропаткиным и на войне с Японией в 1904-1905 годах, будучи его лейб-медиком.

О первых днях Великой Отечественной

Я был призван осенью (в конце ноября) 1939 года и направлен в 99 стрелковую дивизию в 76 ГАП (гаубичный артиллерийский полк). А там меня определили в полковую школу, где политруком был старший политрук Тихевич, описанный в книге «Зеленая броня» Долматовским. Значит он был жив и после войны. Старший политрук Тихевич – украинец по национальности.

После окончания полковой школы командир 99 стрелковой дивизии генерал-майор Власов, как и всем, присвоил мне звание «Сержант». Был хороший ужин. Наша 99 стрелковая дивизия входила в состав 8 корпуса, командиром которого был генерал-майор Снегов. (...).

За несколько дней до войны по тревоге подняли и перевели в летние лагеря, где мы уже бывали. Мне была поставлена задача – в первый же день войны своей гаубицей я должен был разрушить

(окончание на стр. 15).

(начало на стр. 14).

железнодорожный мост, соединяющий нашу сторону с Засаньем. И вот как мне запомнился первый день войны. Я спал в палатке со своим расчетом, и кто-то разбудил меня со словами: «Вставайте, товарищ сержант, самолеты». Еще только светало, и я, выбежав из палатки, увидел огромную массу немецких бомбардировщиков, плывущих по нему по направлению к Львову /в наш тыл/. Началась война.

Протрубили тревогу, я со своим расчетом побежал к гаубице 152 мм в открытый наш окоп, мы увидели, как горит Перемышль и все здания, в которых мы жили и здания штабов. До 11 часов мы не вступали в бой, т. к. не было на то приказа. Хотя и слышали выстрелы в городе Перемышле, от которого мы стояли километрах в 3-4-х. Затем мимо нашей батареи потянулись раненные. После выступления по радио Молотова нам – полевым войскам – был дан приказ открыть огонь. Я, по заранее подготовленным данным, по приказу командира батареи, открыл огонь по мосту. Нам привезли личное оружие – 1 наган на расчет и карабины. Наган я отдал наводчику, а себе взял карабин. Подвезли сигареты. В это время проезжали на лошади полковник Романов – начальник артиллерии дивизии и стал бранить нас за распущенное возле батареи и приказал немедленно все убрать, т. к. над нами уже была «рама» – немецкий разведчик.

После обеда, часа в 3 или в 4 дня, на батарею приехал политрук Лихограй на лошади и объявил мне, что мост разрушен, и командование полка за это представило меня к награждению Орденом Ленина. Затем он приказал мне, чтобы я сходил в Перемышль и, посмотрев там все, вернулся бы на батарею и рассказал бы, что я там видел, т. к. батальон капитана Чакваидзе уже очистил город от немцев. Я был в Перемышле поражен, увидев всю картину, как немцы добравшись до наших магазинов, жрали колбасу и были убиты, как некоторых застала смерть, когда они лежали на наших женщинах. Все это я и рассказал. В моем расчете, кроме 5 старослужащих – были и 2 приписника из Западной Украины. И

вот ночь. Перемышль горит. А я иду проверить боевое охранение, посланное мной, и рассказал им, что наши сидят в их руках. Немцы ночью подползут к нам и перестреляют. И каково же мое удивление, когда увидел этих двух приписников, спокойно спавших. Я должен был их тут же и расстрелять, но не мог. У меня был наган. Видимо жестокость проявляется у человека не сразу. Перемышль наша дивизия держала несколько дней. Были бои. Во время налетов авиации и артобстрелов мы прятались в казематах, которые в 1914 году брали русские в 1 империалистическую войну. Там мне приходилось читать очень много патриотических слов, вырезанных штыками русских солдат еще в 1914 г. А по дороге в село Никулино стоял памятник погибшим воинам. А затем меня вызвал командир полка и приказал мне, передав карту, быть кочующим орудием, т. к. дивизия отходя, создавала вид, что она еще есть. Я должен был на указанных на карте листах выпускать по несколько снарядов и вновь присоединиться к полку.

И вот однажды мы увидели по пути своего следования над одной из деревень флаги националистов, а у меня в орудии сломался боек и я не мог стрелять. Тогда мы пошли на хитрость, зная что из деревни за нами наблюдают, сделали вид, что мы готовимся стрелять. Из деревни к нам вышли 2 человека, которые сказали, что они не тронут нас и провели через деревню, а мы катили руками свою гаубицу на деревянных колесах с шипами из железа. За деревней была речка, а возле моста на той стороне

стоял наш танк и незнакомый мне генерал, который приказал мне расстрелять эту деревню. Я объяснил ему, что у меня в гаубице сломался боек, и я не могу выполнить его приказание. Он выругался и, сев в танк, уехал. У него в танке также был сломан боек. Так мы и шли по 50 км в сутки. Приходилось видеть как немецкие самолеты бомбили переправы, как они бомбили беженцев. Все было. Пехота не могла двигаться такими темпами, а поэтому она ехала, кто да на чем. И вот мы заметили, что стало сужаться кольцо окружения. Мы попали в ловушку, о которой так правдиво написал в своей «Зеленой броне» Евгений Долматовский, с которым меня свела судьба уже в Уманской яме, он узнал меня, и мы говорили с ним. А до этого он был батальонный комиссар и носил по 2 шпалы, работал в Армейской газете 6 Армии. Я бывал на встречах с ним, будучи секретарем комсомольского Бюро 71 ГАП, на семинарах. А когда нашу колонну в плененных немцы вели в город Гатчин, то проходя одной деревней, Евгений Долматовский бежал. По нему немцы стреляли, убив нескольких военнопленных, отошедших на 2 шага от колонны. И уже после войны я прочитал его книгу «Зеленая Брами».

Покровский В. С.

На снимках: В.С. Покровский; коллектив Бологовской школы (1949 г.).

Фото предоставлены Н. М. Фудзенпен, ученицей Покровского.

Золотой запас

Константин Симонов

(1915-1979)

АТАКА

Когда ты по свистку, по знаку,
Встав на растоптанном снегу,
Готовясь броситься в атаку,
Винтовку вскинул на бегу,

Какой уютной показалась
Тебе холодная земля,
Как все на ней запоминалось:
Примерзший стебель ковыля,

Едва заметные пригорки,
Разрывов дымные следы,
Щепоть рассыпанной махорки
И льдинки пролитой воды.

Казалось, чтобы оторваться,
Рук мало — надо два крыла.
Казалось, если лечь, остаться —
Земля бы крепостью была.

Пусть снег метет, пусть ветер
гонит,
Пускай лежать здесь много дней.
Земля. На ней никто не тронет.
Лишь крепче прижимайся к ней.

Ты этим мыслям жадно верил
Секунду с четвертью, пока
Ты сам длину им не отмерил
Длиною ротного свистка.

Когда осекся звук короткий,
Ты в тот неуловимый миг
Уже тяжелою походкой
Бежал по снегу напрямик.

Осталась только сила ветра,
И грузный шаг по целине,
И те последних тридцать метров,
Где жизнь со смертью наравне!

В обнимку четверо у рва.
И было небо голубое,
Была зеленая трава.
Никто не знает их фамилий,
О них ни песен нет, ни книг.
Здесь чей-то сын и чей-то милый,
И чей-то первый ученик.
Они легли на поле боя,
Жить начинавшие едва,
И было небо голубое,
Была зеленая трава.
Забыть тот горький год неблизкий
Мы никогда бы не смогли,
По всей России обелиски,
Как души, рвутся из земли.
...Они прикрыли жизнь собою,
Жить начинавшие едва,
Чтоб было небо голубое,
Была зеленая трава.

Константин Ваншенкин

(1925-2012)

ВЕСНОЙ СОРОК ПЯТОГО

Мелькали дома и опушки,
Дымился туман над водой.
И мылся в гремющей теплушке
Чуть свет лейтенант молодой.
Он ждать не хотел остановки,
Входя в ослепительный день.
А сзади его для страховки
Держали за брючный ремень.
Стоял он в летящем вагоне,
Судьбу принимая свою,
И лили ему на ладони
Воды неудобной струю.
В разбитом очнувшемся мире,
Мечтавшем забыть про беду,
Уже километра четыре
Он мылся на полном ходу.
Смеющийся, голый по пояс,
Над самым проемом дверей.
И яростно нес его поезд
В пространство — скорей и
скорей!
Пред странами всеми, что плыли
В предчувствии мирной страды,
Военного пота и пыли
Усердно смывал он следы —
Весной сорок пятого года,
Своею удачей храним...
Солдаты стрелкового взвода,
Как в раме, стояли за ним.

Римма Казакова

(1932-2008)

«НА ФОТОГРАФИИ В ГАЗЕТЕ...»

На фотографии в газете
Нечетко изображены
Бойцы, еще почти что дети,
Герои мировой войны.
Они снимались перед боем —